

Ольга Фрейденберг как мемуарист: наблюдения историка

В своем докладе автор отмечает, что для оценки роли Ольги Фрейденберг в истории науки и общественной мысли XX в. необходимо разделять ее научное наследие и написанные ею исторические записки; критерии оценки научных работ не должны автоматически распространяться на мемуарную прозу. Кроме того, необходимо держаться научной этики, чтобы критика ее личности, развернутая в последние годы, не носила характер посмертной травли. Автор подробно останавливается на фактологической точности мемуаров и аргументированно отмечает, что мемуарное наследие Фрейденберг, наряду с беспристрастностью и правдивостью, представляет собой выдающийся памятник русской литературы XX в.

Ключевые слова: Фрейденберг, тоталитаризм, Пастернак, марризм, источниковедение.

Вряд ли нужно повторяться, что мемуары и эпистолярный Ольги Михайловны Фрейденберг (1890–1955) являются одним из важных источников по истории гуманитарной науки XX в. Но нельзя умолчать и о том, что подобная точка зрения не всеми воспринимается сочувственно, что, собственно говоря, свидетельствует об остатках такого живоносного явления в гуманитарной науке, как разномыслие.

И на этой конференции, даже несмотря на ряд критических рассуждений, как кажется, может создаться впечатление, что Ольга Михайловна – общепризнанный классик. С одной стороны, это верно; с другой – существует большое число людей, которые ставят ее научные достижения под сомнение, и этот скепсис десятилетиями преследует научное наследие О.М. Фрейденберг.

Но мы хотели бы сказать о ее мемуарном наследии, тем более что оно также оказалось в одном «семантическом пучке» с научными

работами, которые подвергаются серьезной критике скептиков. При этом критика исторического источника, каковым является мемуарное и эпистолярное наследие О.М. Фрейденберг, – это все-таки отдельный вопрос, и вряд ли его уместно решать в одном «наборе» с другими, связанными оценкой ее роли, например:

вклад в науку (который включает массу частных проблем);
О.М. Фрейденберг и теория Марра;
переписка О.М. Фрейденберг с Б.Л. Пастернаком;
воспоминания О.М. Фрейденберг как исторический источник;
наследие О.М. Фрейденберг как явление литературы.

Многое обсуждалось на этой конференции. Однако решить все вопросы разом, как нам представляется, довольно сложно хотя бы потому, что зачастую они находятся в различных областях гуманитарной науки. По крайней мере мы, отдавая себе отчет в собственной ограниченности, хотели бы сказать несколько слов относительно лишь одного из событий ее биографии. Речь пойдет о ее встрече с крупным филологом-классиком Александром Иосифовичем Зайцевым в 1954 г.

Вероятно, сама О.М. Фрейденберг удивилась бы, узнав, что это событие станет «детонатором» серьезной полемики. Однако тезисы этой полемики оказываются важными для отношения к наследию Фрейденберг вообще. Ведь неожиданным образом именно эта встреча 1954 г. сделала дискуссионным и даже острым вопрос исторической достоверности не только мемуарного, но и научного наследия Фрейденберг.

Собственно полемика выплеснулась за привычные рамки после того, как слово взяла петербургский историк-библеист Ирина Алексеевна Левинская¹; и мы, без всяких шуток, хотели бы выразить ей свою благодарность, поскольку иначе у нас не было бы повода завести сегодняшний разговор.

Цель, с которой она развернула свою дискуссию, была «доказать научную и человеческую несостоятельность Фрейденберг» (по крайней мере именно такой формулировкой резюмировала ее текст редакция журнала «Звезда», предоставившая ей свои страницы).

Формально это была рецензия на мою книгу «Идеология и филология» (2012), но критики удостоились не столько мои методы как историка (хотя и этот аспект не был обойден вниманием), сколько личность и научное наследие О.М. Фрейденберг.

Метод этой критики стоит признать новаторским – ведь была предпринята серьезная попытка показать не только научную беспомощность О.М. Фрейденберг, но и опорочить ее нравственно, и уже в результате этого, так сказать, «комплексного метода» – поставить

вопрос о доверии к любой части наследия Фрейденберг – не только научного, но и мемуарного.

Использование мною мемуаров О.М. Фрейденберг в качестве исторического источника в документальном исследовании было признано ошибочным – я был обвинен в том, что «*вплел в полотно своей книги лживую нить*»: посмел дать слово тексту, автор которого – по мнению оппонента – вообще не заслуживает права быть услышанным.

По каким же причинам? – Потому что «обыкновение переносить научные разногласия в этическую плоскость и клеймить своих противников как негодяев и подлецов была [!] характернейшей чертой Фрейденберг». Для усиления линии обвинения приводится цитата «из неопубликованной части воспоминаний» с характеристикой ведущих профессоров филологического факультета ЛГУ как «наглой лавочки бурливых и распоясанных евреев» (к слову, Ольга Михайловна-то имела право на такие слова; однако я счел эту цитату излишней для своей книги). Кроме того, приводя эту цитату, оппонент сознательно искажает картину, вырывая фразу из контекста – большого, необыкновенно яркого (и, увы, не опубликованного до сих пор) фрагмента блокадных воспоминаний, связанных с академическими выборами 1943 г.²

Основное доказательство научной несостоятельности О.М. Фрейденберг – ее сочувственное отношение к учению Н.Я. Марра («она была марристка»), как будто марризм – это каинова печать. Именно тот факт, что «отношение к Марру как к великому ученому и учителю Фрейденберг сохраняла всю жизнь», преподносится в тексте Левинской как тяжкое обвинение.

Но ведь даже В.М. Жирмунский, которого в том же выступлении И.А. Левинская взялась защищать от нападок О.М. Фрейденберг, в свое время поддерживал учение Н.Я. Марра, успешно работал в руководимых им институтах, а в тот момент, когда уже совсем не было нужды ссылаться на академика даже из конъюнктурных соображений, – в 1967 г. – писал: «Мне приходилось говорить неоднократно, что вся конкретная лингвистическая работа Марра в пору создания им так называемого “нового учения о языке” должна быть полностью и бесповоротно отвергнута, поскольку она целиком построена на фантастической идее палеонтологического анализа всех языков мира по четырем первоэлементам. Однако это не значит, что в теоретических идеях и отдельных высказываниях Марра, в большинстве случаев научно не разработанных и хаотических, не содержались творческие и плодотворные мысли, которым большинство из нас (в особенности ленинградских лингви-

стов) обязано общей перспективой наших работ. К таким общим установкам я отношу прежде всего борьбу Марра против узкого европоцентризма традиционной лингвистической теории, стадияльно-типологическую точку зрения на развитие языков и их сравнение независимо от общности их происхождения, поиски в области взаимоотношения языка и мышления и то, что можно назвать семантическим подходом к грамматическим явлениям»³.

Надо ли говорить, сколь многие ученые кроме Виктора Максимовича оценивали вклад Марра в науку положительно (особенно, если говорить о его работах до 1925 г.). По этой причине Игорь Михайлович Дьяконов, сопоставляя с воспоминаниями академиков И.А. Орбели и В.М. Алексеева записки О.М. Фрейденберг о Марре, не позволяет себе заклеить автора: «Трудно представить себе, – пишет И.М. Дьяконов, – трех столь различных по характеру и по научным устремлениям людей. Замкнутая, трудная в жизни, трудная в науке Ольга Михайловна; экспансивный, горячий в привязанности и в ненависти, энергичный, бесстрашный – и не любивший письменного стола Иосиф Абгарович; гениальный труженик классического востоковедения Василий Михайлович, человек глубокого внутреннего душевного изящества, – и такое поразительное сходство, вплоть до отдельных фраз и формулировок, в обрисовке такого сложного, необычного, спорного, казалось бы, для всех человека, как Николай Яковлевич Марр!»⁴

К слову, если говорить об идеологической стороне, в период советизации Академии наук, в 1932 г., выступления Марра в защиту Академии казались современникам просто героическими. По крайней мере Л.Я. Гинзбург пишет в 1932 г. об академике в этой связи с неприкрытым восхищением⁵.

Но вернемся к О.М. Фрейденберг. Судя по такой обвинительной характеристике – «она была марристка», – не все имеют желание делать различие между теми, кто нашел в 1920-е годы так много нового и привлекательного для собственных научных построений в теориях Н.Я. Марра, кто ценил его как непревзойденного знатока кавказских языков, и теми, кто впоследствии паразитировал на созвучности его теории глоттогонического процесса – коммунистической идеологии. Мы настаиваем, что при критическом рассмотрении исторического источника, каковым является мемуарное и эпистолярное наследие Фрейденберг, важно рассматривать его в некоторой обособленности от ее научных работ и уж точно не воспринимать в качестве результата увлечения идеями Марра.

Одна сторона – мораль и нравственность автора, вторая – профессиональные качества, вклад в науку, и третья – фактическая

сторона мемуаров, их правдивость как исторического свидетельства. Собственно, все эти «части» О.М. Фрейденберг оказались буквально перемешаны с грязью, и такой подход к наследию ученого вряд ли можно рассматривать в качестве образца научной беспристрастности, особенно если речь идет о научных дискуссиях не в жанре проработок в духе 1940-х годов, а именно в жанре научной критики.

Поскольку вопрос правдивости и фактической точности О.М. Фрейденберг как мемуариста был и остается лично для нас наиболее важным, мы вынуждены рассмотреть те доводы, которые были выдвинуты в качестве доказательств обратного.

Так уж случилось, что даже не скрытое обвинение в антисемитизме, которое мы цитировали выше, и не увлечение идеями Марра оказались аргументом испепеляющей критики. В выступлении Левинской произошла, вероятно даже неосознанно, контаминация трех голосов: собственно мемуаров О.М. Фрейденберг, небольших воспоминаний ее аспирантки Берты Львовны Галеркиной и моего авторского текста. В результате же, опровергая Фрейденберг, Левинская в действительности полемизирует не с ней, а с Галеркиной и вашим покорным слугой.

Конечно, нельзя умолчать, что претензия, и вполне заслуженно, была адресована мне лично: «Особенно меня возмутило, – пишет Левинская, – и, собственно, подвигло к написанию реплики то, что Дружинин осмелился дать негативную оценку моральному облику моего покойного учителя Александра Иосифовича Зайцева».

Не касаясь вопроса агиографии как весьма распространенного метода в истории науки, поясним этот инцидент. После того, как нами в тексте были процитированы восторженные, с долей идеализации, строки из мемуаров О.М. Фрейденберг, посвященные А.И. Зайцеву, мы привели и другой источник. И.А. Левинская же трактует наш метод научной работы следующим образом: «Зайцев оказывается несломленным и слишком положительным. Требуется ложка дегтя. И она находится в воспоминаниях преданной ученицы Фрейденберг Б.Л. Галеркиной».

В чем же эта «ложка дегтя»?

Когда А.И. Зайцев в июне 1954 г. вернулся из заточения (он был арестован в январе 1947 г. и осужден на лечение в тюремно-психиатрической больнице), то, восстановившись в университете, он даже начал ходить в театры. И в один из дней того же 1954 г. он встречается в театральных креслах грузную, болезненного вида женщину, Ольгу Михайловну Фрейденберг, и... никак не реагирует. Она спрашивает, узнает ли он ее, но получает отрицательный ответ; в резуль-

тате Ольга Михайловна решает, что бывший студент по какой-то причине не хочет с нею знаться.

Вот как записала Галеркина ее слова, которые были мной процитированы: «Когда я его спросила, не помнит ли он меня, – ответил, что меня не припоминает. ...Забыть он меня не мог. Просто не хочет. Я ведь уже вышла в тираж. Кто я?»⁶

Эта приведенная мною цитата нарушает идеальный образ А.И. Зайцева и неминуемо задевает рецензента: «Если он сказал Фрейденберг, что не узнал ее, то, значит, не узнал: Зайцев принадлежал к той редчайшей породе людей, которые просто не умеют лгать»⁷.

Конечно, будь *О.М. Фрейденберг* для А.И. Зайцева давно забытой кафедральной старой девой с большими странностями (а примерно таким выглядит ее портрет, начертанный пером И.А. Левинской), то мы бы вполне могли согласиться с вышесказанным. Однако реальность была иной, поскольку она была тем профессором, благодаря которому Зайцев смог незадолго до ареста досдать необходимые дисциплины и перейти после первого курса сразу на третий; она же писала письма в его защиту после ареста, помогала его семье...

Словом, лично нам до сих пор крайне трудно поверить в то, что, успешно восстановившись в университете, А.И. Зайцев помнил все необходимое для учебы на классическом отделении, а того человека, кто так искренне заботился о нем в свое время, безвозвратно забыл.

Любопытно для сравнения привести точку зрения того же журнала «Звезда» на этот счет: «Стало быть, интеллект сохранился – Зайцев стал выдающимся ученым, – а память пострадала настолько, что он не мог вспомнить хорошо знакомого человека, сыгравшего в его судьбе немалую роль? Но ведь своих коллег он узнавал. ... Мы никогда не поймем, что заставило Зайцева поступить именно так, но изъяны памяти здесь ни при чем. И этот эпизод отнюдь не выглядит как попытка Дружинина скомпрометировать Зайцева. Речь идет о сложности человеческих отношений»⁸.

Однако И.А. Левинская, не желая смириться с такой трактовкой, идет дальше, обвиняя уже не меня как корявого автора, а О.М. Фрейденберг, и пишет: «Фрейденберг была этим возмущена и решила, что такого быть не может и что Зайцев попросту солгал. Причину его поступка она видела в том, что, будучи уволенной из университета, перестала быть для него полезным знакомством».

Конечно, я бы не посмел применить слово «ложь» к А.И. Зайцеву, воздержалась от этого и О.М. Фрейденберг, которая видела за ситуацией не столь банальную картину. Но отправимся далее, из области эмоций к подробностям событий.

Чтобы уловить и нас, и О.М. Фрейденберг, И.А. Левинская выдвигает свою версию произошедшего и называет дату представления, где произошла встреча – премьерный спектакль «Гамлета», состоявшийся 11 апреля 1954 г.

Здесь важно отметить, что у О.М. Фрейденберг в мемуарах вообще нет даже отзвука этой встречи – ведь она не правила свои воспоминания, к тому времени уже завершённые. А у Галеркиной нет точной даты спектакля, хотя и сказано, что билеты она получила 27 сентября. Мы в своей книге указали лишь 1954 г., чему была причина: Зайцев вышел на свободу только в июне, и в апреле такой встречи не могло быть по определению.

Итак, И.А. Левинская пишет: «Драматическая сцена, описанная Галеркиной, является плодом ее воображения. Она допускает принципиальную хронологическую ошибку (за ней ее повторяет и Дружинин, который, к сожалению, не имеет обыкновения критически исследовать и перепроверять свои источники...»). Левинская сама придумывает «принципиальную ошибку», а затем приписывает ее безвинной Берте Львовне, но и без промедлений выносит суждение относительно научной квалификации автора. Невольно вспоминаются слова из тех же записок Ольги Михайловны о событиях 1948 г.: «Пытали самым страшным инструментом пытки – научной честью».

Хотя в тексте Левинской есть еще одна подробность, которая не была нам известна ранее: «Много лет спустя Зайцев в телефонном разговоре подтвердил Галеркиной, что встреча, когда он не узнал Фрейденберг, действительно состоялась, но не на “Гамлете”, а на чеховских “Трех сестрах”»!

И здесь мы уже должны как-то поставить все события на свои места, потому что все реалии рушатся. Была ли встреча или нет? Шекспир или Чехов? Плоды воображения или безжалостная реальность?

Как свидетельствует переписка с Б.Л. Пастернаком, Ольга Михайловна была на премьере спектакля «Гамлет» в переводе Б. Пастернака в Александринском театре. Это первое представление состоялось 11 апреля 1954 г. Более того, пространное письмо брату по следам этой постановки – глубокий аналитический отзыв, наполненный, как и все литературные тексты Ольги Михайловны, необычайной гражданской смелостью. Чего стоит хотя бы следующий отрывок из этого письма, отправленного в Москву обычной почтой: «Купюр масса. Убраны шекспировские метафоры и афоризмы. Стих “снят”: читают как говорят. Если б мы не жили в яркую, замечательную эпоху, я сказала бы, что такое противоборство стиху, ритму, страсти, темпераменту могла бы породить только эпоха,

распластавшая человека и вынудшая из него внутренности, эпоха растоптанного стиха и облеванной души»⁹.

Учитывая, что О.М. Фрейденберг, как пишет Б.Л. Галеркина, в последние месяцы своей жизни увлеклась театром¹⁰, то вполне вероятно, что она не ограничилась просмотром первого представления и ходила на этот спектакль далеко не единожды; ее трепетное отношение к творчеству брата – лишний аргумент в пользу такого предположения. Тем более что драматический спектакль традиционно улучшается с показами, и первый показ далеко не всегда оказывается лучшим представлением, и всякому театралу это обстоятельство хорошо известно.

Обратимся еще раз к воспоминаниям Б.Л. Галеркиной, приведя тот самый якобы «лживый» фрагмент уже в более полном виде:

Незадолго до смерти к Ольге Михайловне стала возвращаться детская и юношеская любовь к театру. Разница была только в том, что она стала предпочитать драму другим театральным жанрам. О.М. становится завзятой театралкой. Ее всегда сопровождает кто-либо из подруг или кузина – Машура.

27 сентября 1954 года я получаю заказное письмо: «Беба, презентую Вам в пожизненный дар два дубовых бархатных кресла... Ваша рабыня О.Ф.»

...В письмо были вложены два билета на премьеру спектакля «Гамлет» в переводе Бориса Пастернака. Постановка Г.М. Козинцева.

Мы с мужем пришли в Александрийский [!] театр. Ольга Михайловна сидела примерно во 2–3 ряду, а мы в 5–7. Обстановка торжественная. Много знакомых. Премьера.

В антракте муж пошел курить, а я подошла к О.М. Она сидела одна на втором месте от прохода. Ее спутница вышла в фойе. Когда я подошла к профессору, сидевший первым от прохода юноша поднялся и поздоровался со мной. Он сразу же предложил мне место и ушел. Я села. Увидела осунувшееся лицо Ольги Михайловны.

– Беба, этот молодой человек, когда я его спросила, не помнит ли он меня, – ответил, что меня не припоминает.

– Этого не может быть! Он ведь отсутствовал [был арестован] не вечно. Правда, и немало. Однако он был в застенке. Возможно, с памятью что-то.

– Нет, забыть меня он не мог. Просто не хочет. Я ведь уже вышла в тираж. Кто я?

Растерянность Ольги Михайловны была так велика, что моя попытка успокоить ее не оказывала ровным счетом никакого влияния. И это после всего того, что она сделала для него...¹¹

Именно этот текст И.А. Левинская признает фальшивкой. Трудно поверить, чтобы Б.Л. Галеркина писала это по памяти, по-видимому, она опиралась на лежавшее перед ней подлинное письмо О.М. Фрейденберг, иначе откуда такая точность дат.

Вопрос вот в чем: почему же все-таки Берта Львовна пишет «премьера», тогда как премьера состоялась не в начале осени, а 11 апреля, когда А.И. Зайцев еще в заключении? Именно это «несоответствие» И.А. Левинская считает главной уликой «обвинения».

Мы же скажем вот что: премьерой считается не только самый первый, после генеральной репетиции, показ спектакля. Это, конечно, порождение нового времени, но его нельзя не учитывать, особенно когда оно имеет значение для столь безапелляционных выводов. Суть состоит в следующем: поскольку в театр ходит зритель, и этот зритель покупает билеты, что называется, «голосует рублем», т. е. охотно идет на одни спектакли и категорически отказывается ходить на другие, то советская плановая экономика испытывала в данной ситуации неудобство – ведь цены на билеты не могли отличаться в зависимости от посещаемости действия. Тем более что цены на билеты устанавливались не администрацией театра, а тарифными нормативами Министерства культуры. При этом план по заполняемости зала и по продаже билетов требовалось не только выполнять, но и перевыполнять (иначе как же побеждать в социалистическом соревновании). Именно для преодоления тарифных ограничений были придуманы лазейки – как продать дороже билеты на ходовые спектакли и как сбыть билеты и обеспечить наличие зрителей на спектаклях к юбилею Октября. В последнем случае многие, я надеюсь, еще помнят, что такое «нагрузка»: это когда билет, скажем, на «Лебединое озеро» продавался только в паре с другим билетом, который бы зритель вряд ли купил в отдельности: но даже не с билетом на балеты «Тропюю грома», «Красный мак» или «Ангара», а скорее на оперу Тихона Хренникова «Мать» или нечто подобное.

С другой стороны, изыскивались и способы к увеличению цен на билеты на те спектакли, куда зритель валил валом, но чтобы при этом опять же не нарушить тарифных требований Министерства культуры. Именно здесь мы подходим к интересующему нас моменту. Такой повышающий коэффициент допускался в том числе и для билетов на премьерные спектакли. Но велика ли прибыль, если речь идет только об одном представлении? Именно по этой причине «премьерой» уже считался не только самый первый публичный показ, но несколько представлений. Это обычно первые 10 (а часто и более) показов, а если спектакль игрался редко, то первые пол-

года представления на сцене. Все билеты на эти премьерные спектакли продавались по повышенному тарифу. (И до сих пор, как мы знаем, премьерой спектакля также считается далеко не только первое представление.)

Вернемся к Александринскому театру. Итак, спектакль, благодаря которому критика даже заявила, что «Шекспир обрел в Советском Союзе вторую родину»¹², с нетерпением ожидался после летних театральных каникул, и редкие представления неизменно проходили с аншлагами.

Если же обратиться к театральной афише осени 1954 г. (которая ежедневно печаталась в газете «Вечерний Ленинград»), мы наконец сможем найти ответ: спектакль «Гамлет», на который О.М. Фрейденберг прислала указанные билеты и где произошла ее нечаянная встреча с А.И. Зайцевым, состоялся 1 октября 1954 г.¹³ И то обстоятельство, что он назван Б.Л. Галеркиной «премьерой», конечно же нельзя признать «принципиальной хронологической ошибкой», как ее квалифицирует И.А. Левинская. Тем более что суждение о «Трех сестрах» является уже совсем заблуждением (такого спектакля на подмостках Александринского театра вообще не ставилось на этой сцене ни в 1954, ни даже в 1955 г.).

Итак, встреча с А.И. Зайцевым – мы теперь это можем сказать еще более твердо и безусловно – имела место на спектакле «Гамлет». И встреча эта, столь же безусловно, расстроила О.М. Фрейденберг. Однако в действительности не несла в себе гамлетовского оттенка, и впоследствии впечатление Фрейденберг от нее сгладилось.

Это, собственно говоря, подтвердил спустя годы и сам Александр Иосифович в разговоре с Ю.А. Клейнером, цитату из письма которого мы сейчас приведем: «Мы действительно столкнулись в театре, и я действительно не узнал Ольгу Михайловну. Что вы хотите – я только вернулся тогда, я вообще никого не узнавал. Она меня остановила, говорит: “Что не признаешься?” После этого я ее, конечно, узнал, мы поговорили. И все было нормально. Я ведь и жил у нее потом»¹⁴.

Но если А.И. Зайцев смог уладить отношения с О.М. Фрейденберг и осадок остался лишь в памяти Б.Л. Галеркиной, то для черно-белой картины мира И.А. Левинской мирный исход неприемлем – она не только умалчивает о помощи, ранее оказанной Фрейденберг Зайцеву в университете, но и, войдя в роль обличителя, решает на следующий пассаж: «Много лет спустя, когда на заседании кафедры классической филологии речь зашла о Фрейденберг, Зайцев сказал, что хочет помянуть ее добрым словом, и произнес: “Она сделала гораздо меньше зла, чем могла бы”»¹⁵.

Это я уже оставлю без какого-либо комментария.

Вернемся же, собственно, к мемуарам О.М. Фрейденберг. Что же такое «Записки о самой себе» с точки зрения историка? – Уж ни в коем случае не критерий оценки нравственных качеств коллег и, конечно, не то орудие, которым мы отстаиваем заслуги О.М. Фрейденберг в области классической филологии. Записки Фрейденберг для нас прежде всего свидетельство современника, рисующего большую картину нравственной жизни 1930–1940-х годов, подлинный и правдивый исторический источник: Ольга Михайловна была честна перед самой собой и перед бумагой. Она вела свой дневник в те годы, когда это могло стоить ей жизни, и она не перебелила его потом, следуя конъюнктуре времени. Она не только не выгораживала себя, не приукрашивала, но и сознательно шла на смертельный риск, а непримиримость придавала ей силы. Она пишет в октябре 1948 г.: «Когда берешь новую тетрадь и смотришь на неписанные страницы, думаешь: и все это покроется кровью сталинских дней!»

И потому эти Записки, полный текст которых до сих пор не обнародован, не просто «филологические воспоминания» – это тот текст, который, как мне кажется, призван увековечить Ольгу Михайловну Фрейденберг даже не как ученого, но как писателя и мыслителя.

Фактическая правдивость не единственное достоинство ее мемуаров. Дело в том, что при публикации переписки О.М. Фрейденберг с Б.Л. Пастернаком ее составители инкорпорировали в корпус значительные по объему мемуарные фрагменты, и читателям со всей ясностью открылась еще одна сторона многогранного таланта Фрейденберг (позволю себе все-таки здесь перейти от сослагательности к утвердительности) – литературная одаренность.

В доказательство своих слов я приведу мнение Е.Г. Эткинда, который в 1981 г., после выхода в свет этой переписки, разразился рецензией в «Русской мысли»¹⁶. Вот как он характеризует прочитанное:

...Я хочу сразу, без всяких околечностей, сказать: это не просто переписка, это не какие-то извлеченные из частного архива письма, позволяющие удовлетворить естественное читательское любопытство к деталям личной жизни знаменитого поэта. Это не очередная публикация, позволяющая исследователю, обнаружившему неизвестные документы, их напечатать, прокомментировать и защитить диссертацию. Это совсем другое. Это редчайшее, а может быть, и единственное в мировой литературе совместное произведение двух авторов, его и ее, которые не только личности незаурядные, но и в полном смысле

слова – оба – феноменальны. Борис Пастернак поэт, блестящий прозаик, удивительный переводчик Шекспира и Гете и человек редчайшей чистоты, духовности, проникновенности, бескомпромиссной честности. Про него мы все это знаем. А Ольга Фрейденберг?

Только специалистам-филологам известно ее имя, имя автора очень трудной для чтения книги «Поэтика сюжета и жанра»... Но сейчас не в этом дело, – в переписке с Пастернаком она выступает не только как исследователь-поэтолог, но и главным образом как человек и как писатель. И вот, читая ее письма за 45 лет, мы все больше убеждаемся в том, что именно в этом качестве – как человек и как писатель – она не уступает своему партнеру: ее письма ничуть не ниже пастернаковских. Ее ум и талант сверкают в каждой строке, и это заставляет Пастернака вкладывать в письма к ней всего себя. Уровень его мысли и напряженность его поисков мобилизуют в ней все ее незаурядные дарования, но и она – ее беспредельная искренность, неподражаемая точность слова и глубина оценок – вызывают в нем высшее напряжение всех его духовных сил.

Завершим же мы следующим.

То обстоятельство, что даже в наше время мемуарное наследие О.М. Фрейденберг, не будучи опубликованным полностью, вызвало такую полемику, то страшно подумать, какая буря разразится после того, как будет обнародован их полный текст. Для дискредитации и текста, и автора будет брошен весь возможный арсенал. И та очевидная пристрастность, свойственная любому авторскому произведению, особенно столь яркому и столь смелому, будет квалифицироваться подобно тому, как клеймится самая наглая ложь.

Мы же, оставаясь в полной уверенности относительно соответствия этих записок исторической правде и поклоняясь памяти Ольги Михайловны, позволим себе процитировать их финал, призывая всех, особенно находящихся в этой аудитории, всемерно содействовать скорейшей публикации их текста. Пусть их автор займет свое достойное место и в истории русской мысли XX в.¹⁷

Примечания

¹ Левинская И.А. О филологии без идеологии // Звезда. СПб., 2013. № 8, август. С. 173–183; От редакции [коммент. к статье И.А. Левинской] // Там же. С. 184–186. Ср.: «Обширная реплика Ирины Левинской формально написана по поводу двухтомника П.А. Дружинина, а на самом деле вовсе о другом. ...Левинская решает собственную задачу – доказать научную и человеческую несостоятель-

- ность Фрейденберг...» (Там же. С. 184); Неопубликованное письмо Левинской в журнале «Звезда» (Интернет-ресурс Живой Журнал, 26 октября 2013, – <http://dugnowo.livejournal.com/413974.html>).
- ² Слова О.М. Фрейденберг относятся к тому, что многие профессора в преддверии выборов в АН СССР стали выступать с позиций «верных оруженосцев» марризма, дабы заручиться поддержкой академика-секретаря И.И. Мещанинова.
 - ³ *Жирмунский В.М.* Предисловие [1 декабря 1967] // В.М. Жирмунский. Общее и германское языкознание. М., 1976. С. 8–9.
 - ⁴ *Дьяконов И.М.* По поводу воспоминаний О.М. Фрейденберг о Н.Я. Марре / Из наследия О.М. Фрейденберг // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 178.
 - ⁵ *Савицкий С.А.* Частный человек: Л.Я. Гинзбург в конце 1920-х – начале 1930-х годов. СПб, 2013. С. 64.
 - ⁶ Цит. по: *Дружинин П.А.* Идеология и филология: Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1. С. 522–523.
 - ⁷ *Левинская И.А.* Указ. соч. С. 178.
 - ⁸ От редакции... С. 186.
 - ⁹ *Пастернак Б.Л.* Пожизненная привязанность: Переписка с О.М. Фрейденберг. М., 2000. С. 359.
 - ¹⁰ *Галеркина Б.Л.* Минувшее – сегодня / Судьбы филологов: Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955) // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., [1998]. Т. 2. № 4. С. 395.
 - ¹¹ Там же. С. 395–396.
 - ¹² *Головащенко Ю.* «Гамлет»: Спектакль в театре драмы имени А.С. Пушкина // Ленинградская правда. Л., 1954. № 124, 27 мая. С. 2.
 - ¹³ Учитывая, что предыдущее представление состоялось 16 сентября, а следующее – только 14 октября, именно 1 октября является безусловной датой спектакля, на который были присланы билеты.
 - ¹⁴ Свидетельство профессора Ю.А. Клейнера, соредатора сборника Russian Studies, в котором были опубликованы воспоминания Б.Л. Галеркиной и который обсуждал их текст с А.И. Зайцевым после публикации.
 - ¹⁵ *Левинская И.А.* Указ. соч. С. 179.
 - ¹⁶ *Эттинг Е.* Торжество духа [Рец. на кн.: Пастернак Б. Пожизненная привязанность: переписка с О.М. Фрейденберг // Русская мысль. Париж, 1981. № 3376, 3 сентября 1981. С. 11.
 - ¹⁷ Доклад был завершён прочтением финальной части записок О.М. Фрейденберг; см. также этот текст в настоящем номере журнала (*Брагинская Н.В.* «У меня не жизнь, а биография»).